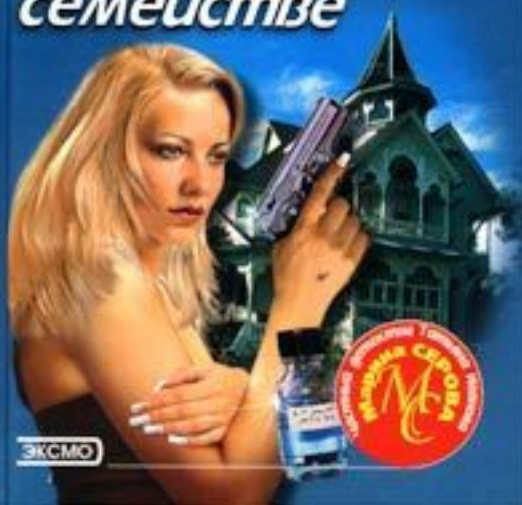

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Скандал
в благородном
семействе*

Марина С. Серова
Скандал в
благородном семействе
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167225
Скандал в благородном семействе: Эксмо; М.: 2003
ISBN 5-699-01816-6*

Аннотация

У частного детектива Татьяны Ивановой все дела непростые. Но это... Несколько дней, забывая перекусить, почти не имея времени вздремнуть, мечется она по городу в поисках того единственного человека, который мог отравить известную бизнес-леди Инну Россову. Но кто он? Как попал на презентацию в ее роскошный особняк? И по каким причинам пошел на убийство? С огромным трудом вычислив его имя, Таня понимает: нет у него никаких мотивов для преступления. Но тогда кто подсыпал цианид в роковой бокал с шампанским? В конце концов, Татьяна находит и причину, и виновника, но... отпускает убийцу на свободу! И снова идет за ним по пятам...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марина Серова

Скандал в благородном семействе

Глава 1

Особняк был и в самом деле шикарным: построенное на старинный манер здание, окна с изящными решетками, черепичная крыша и высокий забор из красного кирпича. Ограду со стороны двора сплошь покрывали какие-то вьющиеся растения с крупными листьями, которые умудрились перекинуться на противоположную, внешнюю ее сторону.

Само здание было явно новым, вернее, недавно построенным, так как его форма соединяла в себе очертания не только построек прошлых лет, но и имела современные мотивы. Особенно же впечатляло в нем не это комбинирование, а то, что вместо балконов к особняку были пристроены небольшие, полностью стеклянные, навесные зимние сады. Они в последнее время просто покорили всех своим очарованием, а потому каждый более или менее обеспеченный человек старался пристроить их к собственному дому, дабы выделиться и блеснуть модной новинкой.

Мы подъехали к широким металлическим воротам, и

Эдик несколько раз просигналил. Через пару минут ворота тяжело отъехали в сторону, и мы смогли попасть во владения, скрывавшиеся за ограждением.

Во дворике все было еще лучше, чем мне показалось сначала: вокруг тропинок располагались красиво стриженные деревья, гнущиеся под тяжестью плодов, нежным ароматом цветов окутывало со всех сторон, словно легким покрывалом, а воздух в округе был насыщен доносившейся из окон мелодичной музыкой.

Эдик припарковал машину на стоянке возле дома, специально сделанной для гостей, вышел сам, а затем открыл дверь с моей стороны и протянул руку:

– Прошу на бал, моя прелестная леди.

Я улыбнулась и, медленно выйдя из его черного «Феррари», приняла предложенную мне руку. Мы направились в особняк, ступая по мраморной лестнице, в настоящий момент украшенной по бокам напольными вазами с живыми цветами.

Душа моя ликовала, и я с уверенностью могла сказать, что в эти минуты счастлива. Уже давно мне не удавалось так великолепно проводить время, как в последние дни. И все благодаря Эдику.

С ним я познакомилась пару дней назад на выставке ювелирных изделий, где он меня и заметил. И лишь позже, когда я прогулочным шагом направилась к дому, решил подойти и познакомиться. Не стану скрывать, что мне Эдик

понравился практически сразу же, а потому я не отказалась от его приглашения провести вместе выходные.

Первый день мы просто гуляли по центральным улицам города, на второй – посетили театр, затем наведались еще в парочку интеллигентных мест. И вот сегодня он пригласил меня на роскошную презентацию какой-то новой марки сигарет. Ее, как я узнала по дороге, устраивала известная в Тарасове «табачная императрица». Такое прозвище дали Инне Андреевне Россовой, самой богатой женщине города, сумевшей собственными силами создать крупнейшую сеть по производству табачных изделий и торговле ими. В ее особняк мы в данный момент и направлялись.

При входе в дом нас встретил молодой человек в смокинге и, сверив пригласительные билеты со списком, проводил в залу, куда уже успели прибыть иные приглашенные. Эдик сразу же попытался найти среди этих людей саму хозяйку, а я тем временем, не скрывая своего интереса, рассматривала внутреннее убранство, ведь не каждому удастся оказаться в подобном месте.

В будние дни это, скорее всего, была обычная гостиная, но сейчас она была превращена в банкетный зал с широкой сценой, чем-то напоминающей половинку диска солнца. Кроме сцены, здесь стояли маленькие мягкие диванчики, выставленные вдоль стен полукругом, и множество столиков, на которых оригинальным образом располагались всевозможные сувениры с маркой компании.

Чуть в стороне от сцены стояли и другие столы, но их, как я могла предположить, планировалось выдвинуть позднее, чтобы устроить шикарный ужин. К такому выводу я пришла потому, что на столах кое-где уже стояли салфетки в виде сложенных из бумаги крупных цветов.

Стены же зала были украшены плакатами с изображением тех самых сигарет под названием «Затмение», которые сегодня и планировалось представить на суд публики.

Пока я все это рассматривала, Эдик успел выхватить глазами в толпе хозяйку особняка и буквально поволок меня с нею знакомить.

– Инна Андреевна, разрешите представить вам даму моего сердца, Татьяну Иванову, – слегка склонившись перед приятной на вид блондинкой лет сорока пяти, произнес мой кавалер. – Так же, как и вы, она в этом городе персонаж весьма известный, так что прошу любить и жаловать.

Я поприветствовала гостеприимную хозяйку, о которой мне приходилось не раз читать в газетах много всякого, как лестного, так и не очень. А потому, увидев «табачную императрицу» воочию, я попыталась сопоставить тот ее образ, сложившийся в моем воображении ранее, с тем, что приходилось созерцать сейчас.

С первого взгляда бросалось в глаза то, что женщина эта и в самом деле очень властная, любящая управлять и не признающая над собой чьего-либо главенства. На это указывали ее тонкие, плотно сжатые губы, прямой, даже сверлящий

взгляд, резко и четко очерченные нос и скулы. Но злобной я бы ее не назвала, так как в целом выражение ее лица казалось довольно привлекательным и миролюбивым.

Сейчас «императрица», кажется, была в прекраснейшем расположении духа – она так и светилась вся и улыбка не сходила с ее губ. Одета она была весьма строго: черный брючный костюм с блестящими металлическими пуговицами и цепочкой, выполненными явно на заказ, так как форма их была очень уж экзотической, в то время как покрой самого костюма был весьма прост. На ногах – также черные туфли на очень высоком каблуке-шпильке, какие принято носить бизнес-леди. Волосы Инны Андреевны были тщательно зачесаны и собраны на затылке в ракушку, наверху превращающуюся в астрообразный цветок из завитых локонов волос.

«Императрица» быстро пробежала по мне своим сверлящим взглядом и, улыбнувшись, ответила:

– О вашей работе я действительно кое-что слышала, и все – только положительное. Так что, Эдик, – тут же повернувшись к моему кавалеру, продолжила она, – могу сказать, что тебе крупно повезло: Татьяна, кажется, женщина очень своеобразного склада ума, таких сейчас и не встретишь. Ты уж береги ее, а то не дай бог уведут.

Сразу после этого хозяйка извинилась и, оставив нас наедине, поспешила поприветствовать остальных гостей. А их было немало – около тридцати человек, как я могла судить по тому списку, в котором искали и наши с Эдиком имена. И

это не считая прислуги, охраны и самих жильцов особняка, о которых я, честно говоря, практически ничего пока не знала.

После знакомства с хозяйкой мы с Эдуардом некоторое время наслаждались просмотром рекламных роликов нового товара, причем именно наслаждались, так как сняты они были действительно мастерски. Затем началась официальная часть, проходившая по вполне обычному сценарию: сначала видеофильм о новом товаре с рассказом о технологии его изготовления, затем сообщение о целях данной презентации, повторное прокручивание рекламы, а потом и вопросы публики. Их, как и можно было предположить, было не так уж и много, да и те, что прозвучали, не блистали остроумием.

Все это заняло около тридцати минут, но я даже не заметила, как пролетело время, так как была поглощена рассказом Эдика о присутствовавших.

Эдик – журналист газеты «Короли жизни», и ему, что называется, по должности приходилось возвращаться в высших кругах. Потому-то он и знал, кто есть кто, кто с кем в ссоре или наоборот – в дружбе, кто, кого и почему не любит, ненавидит, и прочее. В силу своей, весьма схожей с его, профессии мне было страсть как интересно все это слушать, ну и, конечно, кое-что из сообщенной им информации откладывалось про запас в памяти – мало ли, вдруг пригодится.

Именно от Эдуарда я узнала многое и о самой хозяйке. Оказалось, что Россова добилась такого положения в обществе и в бизнесе благодаря своему первому мужу, отвалив-

шему ей прехорошенькую сумму денег за то, чтобы она дала ему развод, а затем уехавшему в Штаты с новой пассией. Инна Андреевна полученные денежки по ветру не пустила, а быстренько заставила их работать, вложив в какую-то выгодную сделку. И вот благодаря своим усилиям и, конечно, уму за несколько лет она достигла того, что стала именоваться «табачной императрицей». Звание это настолько прикипело к ней, что если даже кто-то в городе не знал, как зовут Россову, то при упоминании прозвища сразу понимали, о ком именно идет речь.

– А теперь, уважаемые дамы и господа, прошу минуточку внимания, – прервал нашу с Эдиком беседу голос ведущего. – Всеми уважаемая хозяйка этого дома приготовила для вас сюрприз.

Зал одобрительно загудел, а ведущий – молодой человек лет двадцати семи – продолжил:

– Неофициальную часть нашего мероприятия начнет всем известная группа «Бэри-Бэр», специально приглашенная для вас из Москвы. Ну и первая ее песня, сопровождаемая дегустацией новых сигарет, это, конечно же, «Закурим».

Услышав эту новость, я невольно вздохнула: любовью к творчеству группы я никогда не пылала. Остальные же гости явно были другого мнения, после объявления музыкального номера раздались одобрительные выкрики.

– О, прекрасно задумано, – так же, как и остальные, обрадовался Эдик, но, заметив на моем лице некоторое неудо-

вольствие, сразу же спросил: – А ты что так грустна? Тебе не нравится «Бэри-Бэр»?

Я мило улыбнулась ему в ответ и, склонившись к уху, тихо произнесла:

– Не нравится, это слабо сказано – я эту группу терпеть не могу. Если ты не будешь против, то я бы пока немного прогулялась по дому.

– Мне пойти с тобой? – задал вполне естественный вопрос Эдик.

Не желая лишать Эдуарда удовольствия послушать любимые песни, я предпочла отказаться от его сопровождения и, чтобы не мешать остальным, быстренько выскользнула из залы в соседнюю комнату.

Как оказалось, это был длинный коридор, через который можно было выйти в сад, а также попасть во множество других комнат, расположенных на первом этаже. Где-то в самой середине коридора вверх шла широкая лестница, соединяющая между собой этажи особняка. Она имела литые перила, узор которых казался выплетенным из настоящих цветов, настолько тонко и мастерски он был сделан.

Но наверх я подниматься не стала, решив, что не совсем красиво шлаться по чужому дому без хозяев и заглядывать в их комнаты. Может, кто-то и мог такое себе позволить, но я была здесь человеком совершенно посторонним, а потому предпочла прогуляться по саду и подышать воздухом, пока столичная чудо-группа будет демонстрировать свой репер-

туар.

Прежде чем туда направиться, я решила заглянуть в кухню в надежде получить какой-либо холодный напиток, так как те, что стояли на подносах официантов, были весьма уж однообразны и совсем не отвечали моему вкусу. Я больше люблю натуральные соки, нежели лимонад или джин-тоник даже в очень большом ассортименте.

Кухню я нашла сразу, так как именно из нее все время выскальзывали одинаково одетые официанты с легкими закусками на подносах. Спросив у одного из них, где можно взять себе обычной воды или натурального сока, я направилась к какой-то старушке, которая всем этим заведовала, так как сидела за столом и то и дело отдавала какие-то распоряжения девушкам и юношам, нанятым для обслуживания презентации.

Подойдя к ней, я поздоровалась и спросила, где можно добыть холодный сок. Старушка окинула меня удивленным взглядом и, приветливо улыбнувшись, произнесла:

– Так что ж вы сами-то ищете? Тут ведь официанты есть. Спросили бы их, они б вам все принесли.

Тогда я честно сказала, почему покинула зал, на что старушка ответила:

– Абсолютно с вами согласна, но с моей дочкой разве поспоришь! Сказала, что пригласит эту непутевую группу, вот и пригласила. Ей она нравится, да и остальные гости вроде довольны. А нашего мнения никто уж и не спрашивает, – на-

последок вздохнула она.

После ее слов до меня дошло, что эта женщина – мать Инны Андреевны. Как же я раньше не догадалась? Ведь черты лица у обеих очень схожи. Правда, старушка темноволоса и глаза у нее, в отличие от глаз дочери, зеленые, а не серые.

– А вы тоже с Инной работаете? – отвлекла меня от мыслей мать хозяйки. – Что-то я вас у нас никогда раньше не видела?

– Нет, я впервые тут оказалась, с Эдуардом Маниным, – пояснила я ей.

– Ах, с этим лисом... – протягивая мне стакан с соком, сказала старушка. – Ему, хитрецу, только детективом работать. Уж такой проныра, из всех все выпытает – что надо и что не надо. Так что вы с ним поосторожнее, еще сболтнете чего лишнего, а он и напишет, – предостерегающе закончила она.

– Ну это уж вряд ли, – усмехнулась я в ответ, – с частным детективом ему все равно не сравниться.

– А вы что, частный детектив? – с нескрываемым удивлением на лице спросила пожилая женщина и, получив мое подтверждение, продолжила: – Это ж надо, до чего жизнь докатилась, женщины такую работу на себя взвалили! Вы как моя дочка – все ей тихо да мирно не живется, обязательно за что-то бороться надо. А вы давно этим занимаетесь?

Я присела к столу, прекрасно понимая, что старушке в таком большом доме немного одиноко. Наверняка ее дочь

все время занята решением личных или деловых проблем, а с пожилой матерью ей и побеседовать некогда. Мне же старушка очень понравилась, а потому я решила дать ей возможность поговорить с кем-то по душам, тем более что в сад уже стали выходить некоторые приглашенные мужчины, а значит, побродить в нем в одиночестве вряд ли удастся.

Мать хозяйки налила мне еще апельсинового сока, и мы повели беседу. Через некоторое время мне уже было известно о ней практически все: начиная с имени и отчества и заканчивая тем, как тяжело сейчас живет старому человеку, все дела которого ограничиваются лишь стенами дома.

Как оказалось, зовут мать «табачной императрицы» Анной Николаевной. В девичестве она была Шлыковой, а с дочерью она живет с тех самых пор, как умер ее муж. Живет, в общем-то, хорошо, в достатке, да только чувствует, что никому уже не нужна – дочь ее и внуки погружены в свои проблемы, ей их не доверяют. Вот и остается пожилой женщине сидеть на кухне да следить за тем, чтобы прислуга делала все, как положено.

– Танюша, а я уж вас обыскался, – заглянув в кухню и облегченно вздохнув, произнес Эдик, а увидев старушку, расплылся в довольной улыбке. – Разве можно заставлять так волноваться человека? Не так ли, Анна Николаевна? – И, не дав той ничего ответить, продолжил: – Неужели вам меня совсем не жалко, Танюша?

Анна Николаевна засмеялась и, махнув на Эдика рукой,

направилась к холодильнику, на ходу приговаривая:

– Эх, и мужики пошли, эх, и мужики... – она кокетливо продолжала качать головой, искоса поглядывая то на меня, то на Эдуарда.

– У-би-ли, о господи... убили! – донеслось со стороны зала.

Все присутствующие в кухне сразу замерли и замолчали. Крик повторился снова, но на этот раз он дополнился еще шумом и неразборчивым гулом голосов гостей. В конце концов стало совершенно понятно, что кричала женщина. Голос был именно женский, это было единственным, что было возможно разобрать.

Я поняла – произошло что-то страшное, а потому, буквально отпихнув в сторону застрявшего в дверях Эдика, выскочила из кухни и бросилась в банкетный зал. За мной следом побежала и Анна Николаевна, тоже встревоженная криком, а за ней и все остальные.

Добежать до зала мне не удалось, так как навстречу, в сторону лестницы, уже несло несколько человек с перепуганными лицами. Я остановила одного из них, мужчину в белом пиджаке, и спросила:

– Что произошло? В чем дело?

– Хозяйку отравили, – бросил он мне и ринулся следом за остальными, ничего больше не говоря.

Я побежала за ним, не совсем еще веря в услышанное – сказанное показалось мне глупой шуткой или розыгрышем.

Мы влетели на второй этаж, преодолели почти весь коридор и оказались в просторной комнате – спальне хозяйки, где уже толпилось человек десять.

Ничего не видя за спинами, я растолкала остолбеневших мужчин и посередине комнаты на полу увидела «табачную императрицу». Рядом с ней валялся разбитый фужер, осколки которого лежали в лужице.

– Ах... – раздался тихий стон у меня за спиной, а затем послышался глухой удар тела о пол.

Я обернулась и увидела Анну Николаевну, потерявшую сознание на пороге спальни.

Мужчины, оказавшиеся в комнате в этот момент, окончательно потеряли дар речи и стояли с открытыми ртами, не зная, что предпринять. Вид женщины в обмороке был для них чем-то шокирующим, а уж убитой – тем более. Пришлось взять ситуацию в свои руки.

– Ничего тут не трогайте, – бросила им я, а сама кинулась помогать матери хозяйки, распорядившись на ходу: – Кто-нибудь, принесите нашатырь. Да быстрее же!

Последние слова вроде бы подействовали на присутствующих отрезвляюще, и они бросились выполнять мое поручение. Некоторые же, в том числе и Эдик, остались стоять у двери, попеременно бросая взгляд то на одно, то на другое распростертое на полу тело. Меня это бездействие ужасно злило, но изменить я ничего не могла. К тому же, пока я копошилась возле матери, к спальне подошли и женщины,

остававшиеся до сих пор в зале. Увидев печальную картину, они вовсю заголосили:

– Ох, господи, да что же это такое?.. Такие напасти на семью. Да за что ж ее, бедну-у-ю? – больше всех надрывалась синеглазая брюнетка в коротком платье со множеством оборок, делающих ее еще толще, чем она была на самом деле. – За... за что ее? – всхлипывала она.

Ее причитания подхватили остальные, и стены буквально задрожали от дружного плача. Завывания женщин действовали мне на нервы, и я, не выдержав, прикрикнула на толпящихся рядом дам:

– Да замолчите вы! Лучше приготовьте в соседней комнате постель – Анну Николаевну уложить надо. Да чего-нибудь успокоительного отыщите и за доктором пошлите.

Несколько женщин после моих слов сразу притихли, еще пару раз всхлипнули и поспешили тормошить прислугу, расспрашивая у нее, где и что можно взять.

Через пару минут весь дом всполошился, как муравейник: кто-то бегал вокруг матери хозяйки, помогая ей прийти в себя, кто-то вызывал милицию и отдавал приказания никого не выпускать из дома, а самые впечатлительные сидели в банкетном зале на диванах, всхлипывали и нервно курили. Члены же приглашенной группы «Бэри-Бэр» быстренько собрали свои вещички и готовились отбыть восвояси.

Невероятно. Кто же мог отравить «табачную императрицу» — да еще в ее собственном доме! — в то время, когда в нем находилось более тридцати человек? Впрочем, последнее для убийцы было очень даже кстати, так как вычислить его среди массы гостей и прислуги будет не так-то просто. Может быть, даже совершенно невозможно.

Я ходила взад и вперед по тому самому залу, где час назад повсю играла музыка и звучал смех. Теперь же тут повисла угнетающая тишина, нарушаемая лишь тяжелыми вздохами, всхлипываниями и грубыми голосами приехавших работников милиции.

Последние прибыли почти сразу же, как только им позволили, и вот теперь они шастали по дому, опрашивая всех и каждого — не видели ли они того, с кем хозяйка поднялась на второй этаж. Ничего толкового никто им сказать не мог, так как Инна Андреевна порхала по дому, как стрекоза, и в конце концов настолько примелькалась, что за ее передвижениями перестали наблюдать.

Мать «табачной императрицы» к этому моменту уже успела прийти в себя и теперь рыдала в одной из комнат. С ней рядом находился кое-кто из прислуги, а также старшая дочь убитой, мне лично совершенно не показавшаяся сильно расстроенной. Младшая же закрылась у себя в комнате и ни-

кого не пускала. Эдик и еще несколько мужчин вынуждены были ее оттуда буквально вытащить, боясь, что девочка что-нибудь сотворит с собой с горя. Теперь ее тоже успокаивали, напичкав какими-то таблетками.

– Вы, кажется, частный детектив? – обратился ко мне один из милицейских.

– Да, – подтвердила я, – а что вы хотите узнать?

– Ну, мы тут подумали, что вы своим профессиональным взглядом могли бы что-то заметить. Ну, что остальные упустили: подозрительного человека там или еще чего.

В глазах этого милиционера читалась такая надежда, что мне даже стало жаль его разочаровывать, но сказать мне было нечего.

– К сожалению, я тут была как одна из приглашенных, – сообщила я, – а не как нанятый кем-то детектив для расследования. А потому вместе с остальными развлекалась, даже не догадываясь, что день может так скверно закончиться.

– М-да... – милиционер еще пару минут помялся возле меня, затем тяжело вздохнул и поплелся к остальным.

Я же после его вопроса села и попыталась прикинуть, не показалось ли мне что-то и в самом деле подозрительным и необычным. Только ничего не выплывало в памяти. Тогда я принялась осматривать присутствующих в зале, наблюдая за их поведением и реакцией на произошедшее.

В общем-то, расследование этого убийства не являлось моей работой, так что я имела полное право бездействовать,

ождая, когда милиция со всем разберется. Но в силу своей профессии и, конечно, привычки я просто не смогла созерцать происходящее пассивно, понимая, что если могу чем-то помочь, то должна это сделать. Расследовать убийство по-настоящему, до конца, я, конечно, не собиралась, но вот вспомнить что-то, что помогло бы раскрыть тайну и обратить на него внимание органов милиции, могла.

Понаблюдав за присутствующими, я в конце концов поняла, что ни на кого, в общем-то, указать не могу, так как буквально впервые видела каждого и знать не знала, какие у них были отношения с хозяйкой. Гадать же в такой ситуации опасно, да и не совсем правильно, а потому я вскоре оставила эту затею.

Но сидеть, что называется, сложа руки я тоже не умею, вот и отправилась поинтересоваться у работников милиции, как у них идут дела и удалось ли найти в комнате что-то подозрительное или какие-нибудь следы.

По пути наверх я наткнулась на Эдика, который во всей этой суматохе не забывал и о своей работе, все время находясь в самом центре событий. У меня даже мелькнула мысль, так ли случайно он тут оказался, но я быстро прогнала ее прочь и спросила у него:

– Что удалось выяснить милиции? Нашли ли они какие-нибудь улики?

– Ты, наверное, шутишь. Где это видано, чтобы у нас все так быстро делалось? – съязвил Эдик. – Эти болваны еще

два дня тут возиться будут, вместо того чтобы быстренько поработать с каждым и выяснить, кто и где был в момент убийства. А ты куда нацелилась? Желаешь им помочь?

– Да нет, я ради одного интереса за дело не берусь. Но все же любопытно.

– Любопытно! Тань, ну как ты можешь так говорить – работа сама идет к тебе в руки, бери и действуй. Тем более что ты тут была. Просто нелепо – оказаться за два шага до убийцы и не попытаться его найти. Тем более что у тебя к этому есть все способности. – Он слегка сощурил глаза и, загадочно посмотрев на меня, добавил: – К тому же я бы мог тебе помочь в расследовании.

– Мне? Или самому себе? – догадавшись, к чему он клонит и ради чего старается, переспросила я, взглянув на него насупившись.

– Ну, и себе тоже, – поняв, что его раскусили, улыбнулся Эдик. – Сама посуди – такое дело, и выгодно нам обоим. Ты расследуешь чуть ли не самое громкое убийство в городе, а если еще и находишь убийцу, то все лавры и почести твои. А я описываю твои шаги, знакомлю обывателя с ходом расследования и тоже оказываюсь в выигрыше. Правда, Тань, в наших руках сейчас такое дело... Грех его упускать. Так как, берешься?

Завершив свою речь, Эдик уставился на меня взглядом, в котором читалась мольба. Было ясно, что только на меня у него все надежды, так как работать с милицией можно года-

ми, а результата никакого не дожидаться. Он хотел получить известность и прославиться как можно быстрее, и сейчас помочь этому могла только я.

Но, к его большому разочарованию, я осознала, что все эти дни Эдик прыгал и обхаживал меня лишь ради интересных сюжетов для своей газеты, и мне стало противно его общество: использовать себя в личных целях я никому и никогда не позволяла. Поэтому, гордо вскинув голову, я произнесла:

– У меня нет времени заниматься тем, за что мне не платят. А за раскрытие этого дела вполне можно запросить такой гонорар, что не у каждого хватит денег мне его выплатить. – На минуту я замолкла, а потом добавила: – Или, может быть, ты сам желаешь меня нанять?

Я хитро уставилась на него, пытаюсь прочесть по глазам, о чем Эдик думает. Он же сразу насупился и буркнул:

– Журналисты столько не получают. Хотя если бы я написал обо всем этом статью, то наверняка смог бы получить приличную сумму денег и тогда... – глаза его вновь загорелись, но я повернулась и стала подниматься по лестнице дальше, не желая продолжать бесполезный разговор.

Догнать меня Эдик не попытался, наверное, поняв, что просить меня и дальше себе дороже станет. Я же была тому только рада, тем более что уже близилась ночь, и я не желала задерживаться в чужом доме даже на лишние полчаса. Все равно от моего пребывания – и бездействия – тут ничего не

изменится.

Найдя того, кто, как мне показалось, возглавлял милицескую делегацию, я поинтересовалась, долго ли еще будут задерживать присутствующих, и, получив вполне исчерпывающий ответ: «сколько надо, столько и будут», отправилась в кухню, где хотя бы можно было укрыться от тяжких вздохов и всхлипов.

До получения полной свободы передвижения мне пришлось высидеть в кухне около часа, еще раз отшить предложение Эдика лично заняться расследованием убийства и выпить не одну чашку кофе. Наконец, разрешение отбыть домой было дано, и я, поймав такси, покинула особняк, сожалея только о том, что и без того одинокая Анна Николаевна теперь осталась совершенно одна. Внучек я в расчет не брала, так как они, судя по их поведению, кажется, не слишком заботились о бабке.

* * *

– Танюша, ну почему вы отказываетесь со мной общаться? – допытывал меня по телефону Эдуард. – Неужели я обидел вас своим предложением о сотрудничестве?

Я обреченно вздохнула: Эдик уже вторые сутки доставал меня звонками, уговорами подумать по поводу его предложения, а сегодня он уламывал меня поехать с ним в милицию, так как одному ему там сведения по данному делу, ко-

нечно же, никто не даст. Заниматься расследованием у меня не было ни малейшего желания, тем более что погода на улице стояла просто замечательная, и я большую часть дня проводила на пляже или в тени деревьев, растущих в парке.

К тому же дело, кажется, шло своим ходом: вскрытие подтвердило, что отравили Россову цианидом, который подсыпали в шампанское, милиция опросила всех присутствующих, провела тщательный осмотр комнаты, но хоть и ничего не нашла, во всяком случае не бездействовала. Вмешиваться в дело о громком убийстве еще и мне было совершенно ни к чему.

– Эдуард, вы меня ужасно утомляете своими просьбами и уговорами, – начала я, понимая, что от такого пристающего и корыстного человека сразу отвяжаться не удастся, он так и будет ходить за мной по пятам до тех пор, пока я ему буду нужна. – Если я хоть однажды сказала «нет», то уже не поменяю своего решения. Разве так сложно это понять?

– Совершенно несложно, но вы ведь знаете, что человеку свойственно ошибаться, а потом ему приходится долго раскаиваться в том, что он не послушал умных советов со стороны.

«Это твои, что ли, советы умные?» – подумала я, а вслух сказала:

– Благодарю за заботу, но на сегодня у меня совершенно другие планы – я отправляюсь на пляж.

Сразу же после этих слов я повесила трубку, решив, что

больше ни за что не подниму ее, если этот зануда еще раз позвонит. Затем пошла собирать вещи, и в самом деле решив съездить на Волгу и хоть немного позагорать, а то имеющийся на сегодняшний день у меня загар был просто жутчайшим – он покрывал тело не полностью, а только местами. Я твердо решила сей недостаток исправить, для чего и искала сейчас свой старый купальник, про который Киря сказал, что он сшит из носовых платков, так как почти ничего не скрывает.

Найти его мне удалось лишь после того, как я перевернула в шкафу все вещи и кучей свалила их на полу. Теперь нужно было вернуть содержимое шкафа на свои места, чем заниматься совершенно не хотелось, а потому я просто запихала вещи назад охапками, не слишком задумываясь над тем, что они будут мятыми и что их потом замучаешься гладить.

После этого я облачилась в легкий летний сарафан, собрала волосы в хвост и стала прикидывать, что мне необходимо: полотенце, крем для загара, солнечные очки, зонт и еще некоторые мелочи. В это время вновь зазвонил телефон.

«Нет, ну разве можно быть настолько тупым? – удивилась я. – Когда же Эдик наконец уgomонится? Мне ему что, тысячу раз нужно повторить, что этим делом я не займусь? Так я уже столько раз, наверное, о том и сказала, а ему все как об стенку горох. Все, решено: не буду снимать трубку».

И я занялась сбором необходимых вещей, начав напевать первую пришедшую в голову мелодию, так как брюзжащий звук телефона порядком раздражал меня. Аппарат же про-

должал надрываться и ни на минуту не умолкал.

«А что, если это не Эдик, а кто-то другой? – промелькнуло у меня в голове. – Ведь я ему сказала, что ухожу на пляж, тогда с чего бы ему звонить после этого?»

Я засомневалась: поднять трубку или уйти, так и не узнав, кто и по какому поводу мне звонил? Словно подталкивая меня проверить, Эдик не унимается или я понадобилась кому-то другому, телефон все не унимался. Решив наконец, что можно, если услышу голос Эдуарда, сразу нажать на клавишу отбоя и спокойно отправиться на заслуженный отдых, я рывком сняла трубку и, приложив ее к уху, со вздохом произнесла:

– Да, я слушаю.

К моему удивлению, в ответ послышался вовсе не тенор Эдуарда, а женский голос, узнать который сразу мне не удалось.

– Это Татьяна Иванова? – задала вопрос звонившая тихим голосом.

– Да, это я, – подтвердила я свою личность, так и не догадавшись пока, кто звонит.

Тогда женщина сама представилась:

– Это Анна Николаевна говорит. Ну, Шлыкова, помните? Извините, что побеспокоила вас, но Эдуард сказал, что вы можете помочь делу и...

Услышав с некоторых пор ненавистное мне имя приятеля, я невольно разозлилась, поняв, что, не добившись собствен-

ными силами от меня ничего, этот чертов лис подключил к делу еще и мать убитой. Он, кажется, полагал, что нашел того, кто за мою работу как раз сможет заплатить.

– Так мы можем с вами поговорить по этому поводу? – вырвала меня из раздумий Анна Николаевна.

К сожалению, я совершенно прослушала то, что она говорила, так как в тот момент проклинала проныру-журналиста, а потому, услышав вопрос, даже растерялась. Наигранно откашлявшись, я сделала вид, что думаю, что, в общем-то, и было правдой, а потом ответила:

– Я уже говорила вам, что слежу за ходом расследования данного дела милицией, и мне кажется, что все не так уж и безнадежно. Ребята свое дело знают и наверняка сумеют отыскать убийцу. Вмешивать сюда еще кого-то – значит только мешать их работе.

– Да, я понимаю, но милиция... Она не так сильно старается, нежели те, кому платят. А Эдуард сказал, что за хорошие деньги вы и работаете на совесть, и убийцу отыщете. Или он солгал?

– Нет, он сказал правду, – чуть ли не скрипя зубами, произнесла я, скорее всего, покрываясь пятнами от сдерживаемой злости. – Просто...

– Прошу вас, – прервала меня Анна Николаевна, – вы единственная моя надежда и... – далее послышались всхлипы – пожилая женщина заплакала.

Чтобы не слышать ее душераздирающих всхлипываний, я

смирилась с неизбежным и ответила:

– Хорошо, я подъеду к вам, и мы поговорим.

– Таня, вы даже не представляете, как я вам за это благодарна! Я буду ждать вас. Только вы не задерживайтесь, ладно?

В голосе старушки звучало столько мольбы, что отказать в ее просьбе было просто невозможно, и я, проникнувшись к ней состраданием, согласилась поторопиться.

Итак, теперь вместо приятного времяпрепровождения на желтом, прогретом солнышком песке и плескания в игривых волнах матушки-Волги мне предстояла поездка в особняк. И виноват в этом был этот негодяй Эдуард, для которого карьера, кажется, превыше всего человеческого.

Ну да ладно, он у меня еще получит...

Бросив собранную для пляжа сумку на кресло и схватив свою рабочую, я быстрым шагом направилась к двери, планируя, что я с этим журналюгой сотворю, когда он в следующий раз попадется мне на глаза.

Глава 2

– Вы и не представляете, как я рада вас видеть, – лично встретив меня у порога, взволнованно произнесла Анна Николаевна. – Я тут вся измучилась, пока вы ехали, боялась, что передумаете.

– Я же обещала, а свои обещания я всегда выполняю, – слегка улыбнувшись, ответила я ей, а сама между тем быстро окинула взглядом комнату у нее за спиной, выискивая там того самого типа, который испортил мне так хорошо начавшийся день.

Эдуарда нигде не наблюдалось, чему я была искренне рада.

– Да вы входите, – торопила меня хозяйка. – Я сейчас чайку согрею. Или вы, может, кофе предпочитаете?

– Лучше кофе, – согласилась я, присаживаясь на диван и рассматривая совершенно изменившуюся со дня трагического события гостиную.

Все, что хоть как-то говорило о праздности и веселье, было из нее убрано, на стенах не было картин и гобелена, отчего пустота слегка давила на психику. Из мебели в комнате остались только несколько диванов, рядом стоявших у стен, и маленький столик на колесиках, сегодня заваленный не сувенирами, а таблетками и пузырьками с лекарствами.

Осмотревшись, я вздохнула. Теперь «табачная империя»

наверняка начнет рушиться. Так всегда бывает, если компания теряет держащего ее в своих руках человека. Его, конечно, всегда можно заменить, но пока этот кандидат привыкает к новому месту и начинает понимать, что к чему, проворные компаньоны успевают сделать свое грязное дело и разорить компанию, прибрав к рукам немалые денежки. То же самое, видимо, грозило теперь и фирме убитой Россовой.

Появилась Анна Николаевна с подносом, на котором стояли две чашки кофе и вазочка то ли с плюшками, то ли с булочками, и произнесла:

– Вот и наш кофе. Я его сама приготовила, вам понравится. А прислуги в доме сейчас мало – я распустила всех, чтоб перед глазами не маячили да душу не травили. А то ведь знаете, как меня увидят, плакать начинают, – она смахнула носовым платком появившуюся на глазах слезинку и натянуто улыбнулась. – Я вообще-то сильная, да только не могу видеть, когда другие на меня жалостливо смотрят – сразу расклеиваюсь. Вот и дочка моя, она тоже сильная была...

Я решила прервать старушку, понимая, что если она сейчас погрузится в воспоминания, то именно слезной рекой все и закончится.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – напрямую спросила я, принимая у нее кофе.

Мать Инны Россовой вздохнула, села напротив меня и, немного помявшись, начала:

– Об убийстве дочери, конечно. Это сейчас единственное,

что меня хоть как-то тревожит. На днях ко мне приезжал Эдуард, выразил свои соболезнования, а потом сказал, что знает, как ускорить процесс поиска и поимки преступника...

– И указал на меня, – довершила я фразу за нее.

– Да. Хотя я и сама про вас вспоминала, вы ведь тогда сказали, что работаете частным детективом, но милиция мне совсем времени свободного не оставляла – то одно выпрашивала, то другое. Да и в себя мне прийти нужно было.

Анна Николаевна умолкла и задумалась. А потом, глубоко вздохнув, продолжила:

– Эдик уверен, что вы справитесь с расследованием, тем более что были здесь, когда все это произошло. А насчет оплаты не беспокойтесь, деньги у меня есть, и ради такого дела я их не пожалею.

Я открыла было рот, чтобы возразить, так как не желала заниматься расследованием по наводке Эдика, но старушка не дала мне и слова вставить – тут же затараторила дальше:

– Подождите, не отказывайтесь. Я понимаю, что вы не обязаны браться за это дело, но милиция не в состоянии до чего-то докопаться, тем более что они не очень и стараются, выполнив лишь то, что положено, и ничего более. Они даже если и найдут преступника, то не скоро, а позволять убийце гулять на свободе безнаказанно я не хочу. Прошу вас, возьмитесь за расследование.

Анна Николаевна закончила речь и, взяв мою руку, пристально посмотрела мне в глаза, ожидая ответа. Я же молча-

ла. Не в силах ждать, она добавила:

– Если дело кажется вам сложным, я могу попросить вашего кавалера, и он непременно поможет. Он, конечно, тот еще тип, но все-таки журналист и тоже умеет докапываться до истины.

Если бы Анна Николаевна не произнесла последней фразы, я бы, наверное, отказала в ее просьбе, сославшись на то, что давно мечтала о заслуженном отдыхе. Но теперь, задумав как следует досадить Эдуарду, твердо решила, что возьмусь за расследование. И не столько важны мне были деньги – в них последнее время я не очень-то нуждалась, – сколько желала оставить с носом этого нахала, умудрившегося заговорить мне зубы и заставить думать, что я ему и в самом деле нравлюсь как женщина, а не как объект для новой статьи.

– Хорошо, я берусь за ваше дело. Но с одним условием, – начала я и пояснила: – Эдуард не должен вмешиваться. Я не очень люблю, когда у меня под ногами кто-то вертится.

– Да, конечно, если вы так хотите, – обрадовалась Анна Николаевна, – я его попрошу, чтобы он не мешал. Вы даже и не представляете, как обнадежили меня. Честно сказать, я даже не верила, что смогу вас уговорить, ведь Эдик сказал, что вы не желаете браться за столь сложное дело.

Затем она переключилась на разговор об оплате, несколько раз повторив, что заплатит даже больше, чем я запросила. Я же погрузилась в раздумья, с чего начать раскручивать это действительно, судя по всему, совсем не пустяковое дело.

Учитывая, что находилась я в том самом доме, где и произошло убийство, целесообразнее всего было проверить всех, кто в нем находился в данный момент, а уж затем переключаться на гостей. Тем более что гостей еще нужно разыскать, а это не так-то просто. Так я и решила сделать.

– Я могу еще раз осмотреть место преступления? – прервала я затянувшуюся речь благодарности в свой адрес. – Мне бы хотелось более внимательно изучить здесь все.

– Да, конечно! Могли бы и не спрашивать – весь дом к вашим услугам, – вскочив с кресла, затараторила старушка. – Я ни в чем не стану вам препятствовать, можете делать все, что сочтете нужным.

– В таком случае я ненадолго покину вас, – произнесла я, предположив, что мать убитой вряд ли захочет лишний раз заходить туда, где произошло преступление.

Предположение оказалось верным – Анна Николаевна даже не попыталась мне возразить или напроситься сопровождать меня, а лишь, протянув из кармана ключ от комнаты, добавила:

– Мы там ничего не трогали, даже на ключ закрыли, чтоб, если что, милиция могла все еще раз осмотреть и проверить.

Это было очень даже кстати. Я давно убедилась, что после уборок на месте преступления, если оно произошло в комнатах, обычно остается мало улик, способных оказать хоть какую-то помощь делу.

Взяв ключ, я направилась вверх. Попад на красивую

лестницу, я вспомнила все, что случилось в день презентации, прерванной убийством хозяйки дома и фирмы, как будто перенеслась во времени.

«А ведь такого трагического конца праздника совершенно ничего не предвещало. И даже моя интуиция почему-то крепко спала в тот момент», – пронеслась у меня в голове мысль, и настроение мое резко испортилось.

Оказавшись на втором этаже, я быстро нашла ту спальню, возле которой не так давно приводила в сознание мать хозяйки дома, и на пару минут замерла возле нее, вспомнив свои тогдашние ощущения. Затем вставила ключ в замочную скважину, легко повернула его и, открыв дверь, вошла внутрь. Вот теперь я наконец-то смогла рассмотреть место убийства как следует.

Спальня хозяйки оказалась очень уютной, оформленной в розовых тонах. Вся мебель в ней была выполнена из розового дерева, причем вполне возможно, что вручную, настолько изящной и красивой она выглядела. На розоватых обоях красовались картины тарасовских художников, колорит которых также соответствовал общему стилю.

Рядом с окном стояли два мягких кресла, обтянутых светлой тканью, а у двери на туалетном столике стояло множество флакончиков с духами, ваза с большим букетом уже увядающих цветов и небольшая фарфоровая шкатулка. Я опустила взгляд на пол и увидела, что на пастельного цвета паласе был очерчен силуэт тела убитой, а в области ее руки

до сих пор валялись осколки фужера.

Я пробежала глазами по комнате, но самой бутылки шампанского не обнаружила. Ее, если она тут вообще была, конечно, забрали в участок. Если же нет, то найти бутылку все равно уже не удастся, убийца наверняка об этом позаботился сразу.

Затем я прошла в глубь комнаты и стала внимательно осматриваться по сторонам, еще не совсем представляя, что именно ищу. Решив, что единственное, что могло остаться в комнате после убийцы, это какая-нибудь случайно оброненная мелочь: окурок от сигареты, волос с головы, возможно, даже пуговица или что-то еще. Все остальное он наверняка бы забрал.

Чтобы эту самую мелочь обнаружить, я присела и стала внимательно изучать ковровое покрытие. На полу валялись только осыпавшиеся с цветов лепестки да осколки рокового бокала. Впрочем, была еще оставленная на постели салфетка для губ, но ею пользовалась только женщина – она вся была в губной помаде. На всякий случай я заглянула еще и под кровать, но и там ничего не обнаружила.

Да, кажется, никаких улик найти не удастся. Это осложняет дело, ведь об убийце совершенно ничего не известно.

Выйдя в коридор и закрыв комнату, я вновь спустилась в гостиную и принялась расспрашивать Анну Николаевну о том, как жила ее дочь, были ли у нее враги и кого она может подозревать сама.

В конце концов я узнала, что Инна Андреевна несколько раз выходила замуж, причем все ее браки сложились неудачно. Первый муж был богат, но оказался ловеласом и бабником. Второй, ужасный пройдоха, едва не пустил все состояние с молотка. С остальными дело тоже обстояло не лучшим образом.

Что касается работы, то тут, конечно, без конкурентов не обходилось. Были и ссоры, и зависть, но чтоб кто-то открыто угрожал Россовой, такого вроде не наблюдалось. Врагов среди знакомых тоже, кажется, не было. По крайней мере, так считала мать.

Получалось, что зацепиться, даже после подробного разговора с Анной Николаевной, мне все еще было не за что. Тогда я попросила у Анны Николаевны список гостей, приглашенных на презентацию, и та почти сразу же нашла его.

– Мы списки почти никогда не выкидывали, чтоб в следующий раз можно было особо голову не ломать, а просто внести нужные изменения, – пояснила она, протягивая мне исписанный фамилиями листок. – Вот и этот оставили. Кстати, милиция им почему-то не заинтересовалась. По крайней мере, у меня они о нем ничего не спрашивали.

– А прислуга и охрана? Она у вас в доме одна и та же, или в тот день вы нанимали людей дополнительно? – задала я интересующий меня вопрос, даже не отрывая глаз от листа.

– В общем-то, они у нас постоянные. Но когда устраивались какие-то мероприятия, то всегда вызывали еще пять-

шесть человек из соответствующих фирм. В тот раз посторонних было шестеро: четыре официанта и два охранника, – словно угадав мой следующий вопрос, тут же пояснила хозяйка. – Имена и фамилии их у меня тоже есть. Если нужно, я принесу.

Я кивнула, и после того, как все списки были собраны, мы с Анной Николаевной занялись подсчетом присутствовавших в тот день в доме людей. О ком могла, она мне кратко рассказывала, чтобы я имела хоть какое-то представление, с кем общалась и работала ее дочь. Я слушала внимательно, делая для себя кое-какие пометки в блокноте.

В результате наших с Анной Николаевной подсчетов выяснилось, что в доме в день презентации находилось сорок два человека: тридцать приглашенных, а остальные – прислуга и охрана. Членов семьи мы в общее число не внесли, да их и было-то всего трое: две дочери и сама Анна Николаевна. Вот такое количество людей мне и предстояло теперь проверить. И начала я опрос с тех работников по дому, которые в нем на данный момент присутствовали.

Поговорив с ними, я ничего особенного не выяснила, кроме, пожалуй, одного: напитки разносили двое из нанятых ребят. Но это ничего не давало, так как для того, чтобы подсыпать в шампанское отраву, преступнику совершенно не обязательно было наниматься в официанты лично. Более того – это было для него даже опасно, если учитывать, что всех официантов все равно будут тщательно проверять.

Оказалось, что работников пригласили буквально накануне, и фирма по обслуживанию торжеств была выбрана случайно, что тоже отметало возможность заранее спланированного убийства таким путем. В целом версия о том, что виновника нужно искать среди слуг, была довольно хлипкой, а потому я не очень придавала ей значение и сразу переключилась на проверку гостей.

На мой вопрос, кого чаще всего видели рядом с хозяйкой в день презентации, работники отвечали расплывчато: мол, не обращали внимания, у них и без того дел хватало. Ничего конкретного не выяснилось и после беседы с охранниками, в тот день ничего особенного не заметившими. Ни на один мой вопрос они не могли дать ни единого вразумительного ответа, кроме как: «да, вроде», «ну, не знаю», «может быть».

В конце концов, проведя целый день в доме Россовой, я так ничего конкретного и не откопала, хоть и успела переговорить со всеми, кто тут жил и давно работал. Правда, с дочерьми мне пока встретиться и побеседовать не удалось – обе весь день отсутствовали, занимаясь оформлением каких-то бумаг в компании матери.

Вполне возможно, что они-то как раз могли прояснить гораздо больше, но дожидаться их возвращения я была уже не в силах, а потому, распрощавшись с хозяйкой и взяв у нее номер домашнего телефона, отправилась домой.

На следующий день рано утром меня разбудил телефонный звонок. Ничего еще практически не соображая спросонья, я сняла трубку и вяло протянула в нее привычное: «Слушаю». В ответ донеслось бодрое:

– Доброе утро, Танюша.

Услышав ненавистный мне голос, я сразу же проснулась:

– Ну, теперь начинаю сомневаться, что оно такое уж доброе, Эдуард Владимирович, – съязвила я в ответ, протирая одной рукой глаза.

Эдик сделал вид, что не услышал моего ответа, и сразу продолжил:

– До меня дошли вести, что ты все же согласилась заняться этим делом. Стало быть, я был прав!

– В чем? – недовольно буркнула я.

– Ну как же, – вроде бы удивился он моей недогадливости. – В том, что это весьма выгодное дельце. Кстати, тебе помощник не требуется? А то у меня сейчас как раз дел нет, мог бы и помочь.

– К вашему сведению, Эдуард Владимирович, я привыкла работать в одиночестве, – намеренно официально произнесла я. – Так что извольте более не беспокоить: время сегодня – деньги.

После последней фразы на том конце трубки раздалось

какое-то недовольное бурчание, но ответить что-либо Эдик уже не успел, так как я повесила трубку и тут же отключила телефон, зная, что он обязательно перезвонит, как было уже не раз.

– Вот зануда-то! И как только таких людей земля носит? – невольно вырвалось у меня.

Немного поворчав, я слезла с кровати, понимая, что теперь уже уснуть не удастся – утро началось. Сладко потянувшись, я вялым шагом поплелась на кухню. Сварив, а затем выпив там чашечку ароматного кофе и выкурив первую за день сигарету, я почувствовала в себе прилив сил и теперь была полностью готова к трудовому дню.

Начать же этот день я планировала с беседы с дочерьми Россовой, дожидаться которых мне вчера так и не удалось. Чтобы зря не терять время, я набрала номер телефона, оставленный мне Анной Николаевной, и поинтересовалась у прислуги, дома ли домочадцы. Приятный женский голосок пояснил, что молодых хозяек сейчас нет, но они непременно будут к обеду.

Стало быть, до обеда я полностью свободна и успею еще наведаться в ту самую фирму, которая прислала официантов и охранников. Мало ли, что нет доказательств, а проверить все равно никогда не помешает.

Быстро облачившись в легкую блузку с откидным воротником и коротенькую серую юбочку, я села в свою машину и покатила по тому адресу, что был записан у меня в блокно-

те. Его я вчера узнала у матери Инны Андреевны, поэтому теперь твердо знала, куда держать путь.

Добравшись до компании «Помощник», в которой и заказывался персонал для обслуживания праздника, я очень быстро отыскала там тех, кто в тот день присутствовал на презентации, благо фамилии их у меня были. Это оказались две пышные блондинки, одну из которых я хорошо помнила, потому что та все время мельтешила в кухне, пока мы с Анной Николаевной беседовали, а также четверо мужчин: двое из них официанты, еще двое – охранники. Всего шесть человек, как и сказала Анна Николаевна.

Побеседовав с каждым, я, к сожалению, ничего нового не выяснила. Все утверждали, что никто их для убийства не нанимал и ничего добавить в еду и напитки не просил. В доме все были впервые, кто хозяйка, даже и не знали, так как вызывала их одна из сотрудниц ее фирмы. Она же потом со всеми и расплатилась.

Впрочем, было бы странно, если бы они говорили обратное, даже если бы все оказались убийцами. Этого я ожидала с самого начала. Но сообщение относительно того, что хозяйку никто из них не знал, мне показалось странным, а потому я сразу спросила всех:

– Ну, так уж и не знали? Вы что, все неместные, газет не читаете и не интересуетесь у начальства, в чей дом вас посылают?

Ребята дружно замялись, а потом пояснили, что, ска-

зав так, имели в виду личное знакомство с Россовой. Слышать-то о «табачной императрице» они все, конечно, слышали.

Получалось, что obsлуга и в самом деле ни при чем. Это в некотором роде сокращало круг моих подозреваемых и избавляло меня от необходимости мотаться по городу и следить еще и за каждым из официантов и охранников.

Кстати, я не заподозрила никакого подвоха в их ответах еще и потому, что здесь, в фирме, подтвердился факт: фирма была выбрана случайно, и официантам сообщили о предстоящей работе буквально накануне. В этом меня заверил сам директор, показав журнал с вносимыми в него звонками и временем оформления заказа.

Глава «Помощника» весьма сильно переживал за репутацию своей компании, а потому все то время, пока я находилась в его владениях, твердил, что если среди его людей есть преступники, то моя святая обязанность его от них избавить как можно быстрее. Пришлось клятвенно пообещать ему, что как только я кого-то заподозрю, то тут же сообщу ему об этом.

Закончив беседы в «Помощнике», я поехала в особняк Инны Андреевны, куда уже давно должны были прибыть из офиса дочери Россовой – Катерина и Светлана. Они и в самом деле уже были дома, вместе с бабушкой, а их общество дополнял мой ненаглядный кавалер с сияющей улыбкой на устах. Впрочем, и по лицам девушек было сложно сказать,

что только пару дней назад умерла их мать: лишь легкая печаль в глазах, а более ничего не выдавало их волнений и переживаний. Я невольно насторожилась такой реакции дочерей на смерть матери, но пока решила не сильно забивать этим голову.

Завидев меня, все четверо замолкли. Анна Николаевна же, напротив, немного оживилась и поспешила отдать приказание, чтобы и мне тоже принесли десерт, который остальные в это время уже доедали.

– Мы как раз говорили о вас, – поймав на себе мой недовольный взгляд, произнес Эдик. – Я рассказывал дамам, что вы великолепная женщина и такая же прекрасная сыщица. Вернее, детектив.

– Премного благодарна вам, но в рекомендациях я уже давно не нуждаюсь, – парировала я и поспешила поздороваться с дочками Россовой.

Они сделали то же самое, с интересом рассматривая меня. Потом старшая произнесла:

– Бабушка сказала, что вы опрашивали прислугу и охрану. Удалось что-то узнать у этих сплетников?

– Нет, никто ничего не видел, – без всяких предисловий ответила я. – Поэтому, прежде чем перейти к опросу остальных гостей, я бы хотела побеседовать с вами, – и, поймав заинтересованный взгляд Эдика, добавила: – Наедине.

На его лице появилось нескрываемое удивление, и тогда я, что называется, добила его:

– В присутствии журналиста не все решаются поведать что-то личное и не предназначенное для чужих ушей. А для расследования любого дела это очень важно.

На лицах девушек появилась легкая усмешка, а вот физиономия Эдуарда то ли от расстройтва, то ли от злости на меня покрылась красными пятнами. Но он стерпел и ничего не ответил, сделав вид, что ему то, о чем я буду беседовать с дочерьми убитой, не особо интересно.

Радуюсь своей первой победе над ним, я предложила Светлане и Катерине куда-нибудь удалиться. Они молча встали, и старшая жестом попросила следовать за ней. Мы пересекли коридор, который я уже успела хорошо изучить, и вышли в сад. Там и остановились, расположившись в небольшой беседке с двумя покачивающимися лавочками-качелями. Я не стала тянуть время и, сев на одну из них, сразу приступила к расспросам:

– У вас есть какие-нибудь предположения по поводу того, кому было выгодно убийство вашей мамы?

Обе девочки, усевшиеся на противоположные качели, отрицательно покачали головой. А потом старшая, Катерина, сообщила:

– Даже если и были, то мама о них вряд ли бы что-то нам сказала: в ее дела никто из семьи не лез.

Девушка была явно очень решительной и, как я заметила, старалась не демонстрировать окружающим свою скорбь и печаль. При пристальном наблюдении за ней было видно,

что она переживает смерть матери, но ее поведение на это никак не указывало. Девушка со всеми держалась одинаково высокомерно, никому не желала демонстрировать свою слабость, тем самым как бы отбивая у окружающих желание ее пожалеть. Впрочем, если я правильно поняла ее тактику, Катерина просто сразу поняла, что теперь именно она осталась за главную, и моментально дала об этом знать. Очень целеустремленная девушка. Такие точно знают, чего хотят от жизни.

А вот сестра ее была совершенно другой, полной противоположностью Катерине. Скромная, нерешительная, близко принимающая все к сердцу и добрая, она почему-то напонила мне маленького ангелочка, которого и обидеть-то невозможно – жаль. Для нее смерть матери была настоящим горем, хотя девочка тоже держалась, старательно скрывая свои чувства.

– И все же, может, она случайно как-то проговорила, что с кем-то в ссоре или кто-то ей угрожает? – после легкого анализа новых хозяек особняка предприняла я еще одну попытку выяснить хоть какие-нибудь нюансы жизни их матери, совершенно не удовлетворившись ранее данным мне ответом.

– Да кто ей мог угрожать, кроме муженька ее последнего? – на этот раз ответила Света, хлюпнув носом. – Он только и делал, что ныл. Она, мол, его без гроша бросила, а он этого так не оставит.

– Мы года три слушали его нытье и дурацкие угрозы, – добавила старшая, бросив не совсем одобрительный взгляд в сторону сестры, будто та ляпнула что-то лишнее. А потом продолжила, уже повернувшись ко мне: – Вряд ли бы он на убийство решился – слабак. А больше, так чтоб в открытую, маме никто вроде и не угрожал. Да вы лучше с бабкой поговорите, она больше знает. А мы в материны дела не лезли, своих хватало. То с учебы, но на учебу, то в спортзал или еще куда.

Последнее предложение было сказано Катериной таким тоном, что у меня невольно создалось впечатление, что между матерью и дочерью не все ладилось. Но утверждать это я не могла. Хотя то, как Катерина восприняла произошедшее, все же настораживало.

Задав девушкам еще по паре вопросов, я поняла, что ничего от них не добыю: они не слишком раскрывались передо мной, то и дело повторяя почти одинаковыми словами, что в дела матери нос не совали. Пришлось вернуться в дом, где Эдуард уже буквально выскакивал из собственной шкуры.

– Ну что вы так долго? – увидев нас, затараторил он. – Я уж думал, уехали куда, а меня, такого хорошего, и не взяли с собой.

– Без вас уедешь, как же, – добавила Анна Николаевна, вернувшись из кухни, куда она относил посуду. – Ну что, есть уже версии? – обратилась она ко мне.

Я отрицательно замотала головой и направилась к ней, оставив сестер на попечение «такого хорошего» кавалера. Анна Николаевна, словно поняв мое желание, сразу же развернулась в обратную сторону к комнате, из которой только что пришла, и у нас с ней появилось время спокойно поговорить.

– Внучки ваши что-то не очень дружелюбно ко мне отнеслись. Все время жались, будто чего-то боятся, – ответила я на молчаливый вопрос хозяйки, когда мы оказались вне пределов слышимости. – Может, и знают чего, да только все равно не скажут.

– У, настырные бесята, ничего ради матери сделать не хотят.

– Это почему? – удивившись, поинтересовалась я. – Разве они не ладили с ней?

– Да как вам сказать... Собственно, как и в любой семье: то ладили, то не ладили. Боялись они ее скорее да злились, что шататься со всякой швалью запрещала. А молодые-то, сами знаете, какие – считают, что все знают и безо всех обойдутся. Ну из-за этого и выходили у них иногда с матерью перепалки. А так все мирно было. Что ж, они вам совсем ничего не рассказали?

– Ну не то чтобы ничего, просто предположили, что убить мать мог какой-то ее последний муж. Вам о нем что-нибудь известно?

– Известно ли? Да я этого паразита сама не раз из дому

выгоняла, когда он к Инне шастал денег просить. Работать не хотел, а жить по-царски любил, вот и грозил ей вечно, что найдет на нее управу и тогда она раскается в том, что не отдала ему его контору.

– Какую контору? – сразу любопытствовала я.

– Да это старое: еще когда они вместе были, открыла дочка для него конторку по ремонту машин. Ну, он в ней бароном и хаживал. А как разбежались, она его и уволила, прекрасно зная, что он там пальцем о палец не ударил. После того и начались склоки.

– А на презентации этот человек был? – не дав еще старушке как следует вздохнуть, моментально спросила я.

– Был, ирод несчастный. Он на все ее вечеринки хаживал, а она и против не была. Уж очень у него рожа смазливая, вот и надеялась Инночка, что он кого-нибудь на ее вечеринках себе подцепит да от нее и отстанет.

– А как он выглядел, опишите его, пожалуйста. Да и зовут-то его как? – продолжала я засыпать свою собеседницу вопросами, решив, что вот этого типа в самом деле не помешает проверить.

– Звать-то его Евгением Валерьевичем Остапенко. Из себя высокий такой, стройный. Черные волосы, такие же глаза. Нос с горбинкой. Страстный, как выражаются женщины, рот. Ну что еще? Белое любит носить и в будни, и в праздники – говорит, что так сразу солидного человека видно. Ну а больше ничего примечательного в нем и нет. Разве что ло-

дырь отменный – для него работа хуже атомной войны.

Я попыталась вспомнить, кто из присутствующих на банкете хоть немного подпадает под данное описание. Таких мужчин было двое: оба и в самом деле были одеты в белое. А вот насчет цвета глаз точно ничего утверждать не могу, тогда не вглядывалась. Чтобы окончательно выяснить, который из них Остапенко, я вновь поинтересовалась у Анны Николаевны:

– А он курит?

– Евгений-то? Да нет, он за своим здоровьем, как за кладом, следит. Спортом занимается, пьет только по редким случаям, да и то немного.

«Ага, значит, второй», – сделала я для себя вывод, вспомнив, что видела одного с сигаретой. А Евгений, если я вычислила его правильно, и в самом деле смазлив. Такое аккуратное у него лицо, делает его похожим на мальчика с обложки модного журнала. Неудивительно, что он этим умело пользуется.

– А вы не знаете, как я могу его найти? – поинтересовалась я у старушки, заметив в проеме коридора приближающегося к кухне Эдуарда.

Он, по всей видимости, решил, что слишком надолго оставил меня без присмотра и я могла уже что-то да откопать: он-то желал быть в курсе всего.

Насколько могла, я быстро достала свой блокнот и принялась записывать адрес Остапенко. Анна Николаевна как раз

заканчивала диктовать его мне, когда Эдик появился в дверях. Я же сразу поспешила удалиться, предупредив хозяйку прямо при нем, чтобы она никому ни слова о нашей беседе не говорила. Естественно, Эдуард это услышал, а потому защебетал, едва не хватая меня за руку, чтобы остановить:

– Куда вы так торопитесь, Танечка? Все в бегах, в бегах, так и утомиться можно...

Наигранность и слащавость Эдика с каждым часом раздражали меня все больше и больше, и я, кажется, готова была убить его собственноручно. Но сдержала себя и спокойно ответила:

– Работа у детективов такая бешеная, знаете ли. Это ведь не статейки катать, сидя за столом. До свидания, Анна Николаевна, – обратилась я к хозяйке, а затем направилась к выходу, не глядя на него и даже как бы не замечая.

– Могу я вам предложить свою машину? – донеслось мне вслед его предложение.

– У меня своя, – бросила я, не оборачиваясь, и гордо вышла из дома.

Представляю, как после таких моих выкрутасов злился на меня Эдик. И особенно за то, что я не посвящала его в курс дела, оставляла в полном неведении. А из старушки ему вряд ли чего выудить удастся, она вроде не из болтливых. Впрочем, так ему и надо.

Выехав за ворота особняка, я направила свою машину к Вологодской улице, где, как сообщила мне Анна Николаев-

на, проживал мой первый подозреваемый. Особо-то, конечно, обвинить его было не в чем, но все же он оказался единственным, кто открыто угрожал Инне Андреевне Россовой, а для начала расследования и это не так уж мало.

Проехав пару кварталов, я заметила, что следом, практически не отставая, едет весьма знакомая машина – «Феррари» черного цвета.

«Эдик! – моментально сообразила я. Только он мог быть в той машине. Вероятно, ему не удалось выпытать у Анны Николаевны, куда я направилась, вот и решил проверить сам – догнал и увязался за мной. – Ах ты, гад какой, решил за мной проследить. Хочешь быть в курсе дела? А вот и не выйдет!»

Я резко свернула в сторону, решив, что обязательно должна оторваться от своего навязчивого кавалера, который мешается у меня под ногами и не дает нормально работать. У меня не было ни малейшего желания, чтобы какие-либо статьи по данному делу появлялись в газетах до того, как я закончу работу. Пришлось увеличить скорость.

Эдик на «Феррари» не отставал, продолжая ехать в том же направлении, что и я. Мне стало понятно, что на такой забитой трассе от него ни за что не оторваться, а потому нужно действовать хитростью, а не скоростью.

Я нажала на газ и быстренько обогнала несколько впереди идущих автомобилей, намеренно учинив переполох: не все водители ожидали, что кто-то решится их обогнать, а потому некоторые из них резко притормозили, другие пристроились

следом, решив побыстрее выбраться из пробки. В конце концов, машина Эдика оказалась на приличном расстоянии от меня, и он мог следить за мной, только выглядывая из окна.

Не давая окружавшим меня машинам времени распределиться по сторонам и освободить Эдуарду путь, я быстро развернулась в обратную сторону и помчалась в противоположном направлении по соседней полосе. Пролетая мимо машины Эдика, я заметила, как он безуспешно пытается развернуться, скорее всего, посылая налево и направо весьма неприличные словечки, которыми кто-кто, а журналисты-то напичканы сверху донизу.

Как только появился первый перекресток, я сразу свернула в сторону, продолжая давить на газ со всей мочи. Так я пролетела пару кварталов, на всякий случай виляя из одного проулка в другой, и лишь спустя минут пять сбавила скорость и обернулась. Позади меня вроде бы никого не было – кажется, Эдик наконец отстал. Облегченно вздохнув, я поехала на нужную мне улицу, то и дело все же оборачиваясь, чтобы проверить, нет ли кого позади.

Минут через пятнадцать я была возле дома Остапенко. Разместив машину на стоянке, я вошла в подъезд дома и поднялась на второй этаж. Дойдя до двери с номером двадцать три, нажала на звонок и принялась ждать.

Дверь открыли не сразу. Лишь минуты через две после моего звонка внутри квартиры что-то зашаркало, и только потом в глазке замельтешила тень подошедшего хозяина. За-

то уж после этого дверь сразу же распахнулась. Наверное, смазливый ловелас Евгений, узрев у своих дверей женщину, поспешил к ней навстречу.

– О, какое чудо! Такая красавица – и у моих дверей, – растянув губы в широкой улыбке, произнес он и слегка склонился передо мной. – Прошу вас, проходите, сеньора, не стойте в дверях. Я просто не смею заставлять стоять на пороге такое очаровательное создание.

Я немного опешила от столь приветливой и прямо-таки изысканной встречи. Тем более мне было странно – разве можно так реагировать на незнакомого человека? Впрочем, Остапенко вполне мог запомнить мое лицо на презентации, а значит, и узнать.

Улыбнувшись в ответ, я прошла в квартиру, по одному взгляду на которую можно было сразу понять, кто в ней живет. Первая комната, что предстала моему взору, была довольно уютной, наполненной вполне красивыми и дорогими вещами. Вот только располагались они в ней в таком беспорядке и сумбуре, что не сразу можно было понять, то ли тут уборка, то ли ремонт, а может, то и другое сразу.

Насколько мне было известно, подобный так называемый творческий беспорядок указывает на то, что хозяин дома ленив и небрежен, но обожает роскошь и порядок, правда, за чужой счет. Наверняка именно таким человеком был и Евгений Остапенко.

– Садитесь сюда, пожалуйста, – закрыв дверь, вновь обра-

тился ко мне хозяин. – К сожалению, не могу предложить вам трон, но надеюсь, что это кресло вас тоже устроит, моя королева.

«Ну надо же, сколько театральности. Неужели Инне Андреевне нравились такие манеры мужчины?» – подумала я в недоумении.

Решив для себя, что сюсюканье Остапенко нужно срочно прекратить, я вытащила свое просроченное удостоверение работника прокуратуры, столько раз меня выручавшее, и в тот момент, когда Евгений воззрился на меня, как на божество, сунула ему его прямо под нос. Выражение лица мужчины моментально изменилось: исчезло всякое подобие улыбки, да и брови сдвинулись на переносице. Пробежав глазами по документу, он поднял удивленные глаза на меня и вопросительно посмотрел.

– Золушки и волшебные феи давно уже перевелись, Евгений Валерьевич, – пояснила я на всякий случай, надеясь сразу настроить мужчину на беседу. – Я к вам чисто по работе.

Он, вероятно, наконец-то понял причину моего прихода и сразу же сел напротив на диван. Артистизма в нем поубавилось, и Остапенко предстал передо мной в своем истинном облике. И, надо сказать, облик этот не слишком уж и впечатлял. Каждое движение его, жест – все говорило о том, что мужчина ужасно ленив, обожает красивую жизнь и ради нее готов своротить горы, правда, только на словах.

– А я-то надеялся, что вы ко мне на чай зашли, – закинув

ноги на соседнее кресло, произнес Остапенко. – Я вас еще в тот день заприметил, решил: красивая женщина, нужно будет познакомиться. Если бы не тот тип, что рядом с вами ошивался, я бы подошел, честное слово. Так, значит, вы из милиции? – резко перевел он разговор на другую тему.

– Из нее самой. В настоящий момент занимаюсь расследованием убийства вашей бывшей жены и, как вы можете догадаться сами, вынуждена опросить всех, кто был в тот день в доме. К тому же мне стало известно, что вы угрожали Инне Андреевне убить ее, и это слышали все члены ее семьи. Стало быть, подозрение автоматически падает на вас.

– Так, значит, наклепали бабы на меня, – нервно встав с дивана и начав прохаживаться по комнате, буркнул Остапенко. – Всегда знал, что они меня ненавидят. Только не убивал я Инну, богом клянусь, и повесить на меня ее смерть не удастся... Ну признаюсь, подлецом был, грозил ей. Так кто ж не грозил бы, если она меня без средств для проживания после развода оставила?!

– И все же угроза была. Вы это и сами признаете, а доказательства того, что вы ни при чем, нет, – прокомментировала я. – Догадываетесь, к чему я клоню?

Остапенко кивнул.

– Алиби нет, сами понимаете, – бросил он, пожав плечами. – Все там были, никто ни за кем не следил. Я вместе с остальными пил, плясал, в общем, развлекался на всю катушку. Только убивать ее мне было совершенно ни к чему:

денежки-то да компания по завещанию Инны все равно ее дочкам отойдут, а они мне неродные. Стало быть, совсем я на бубнах останусь. А пока Инна была жива, то я хоть выпрашивать у нее мог, опять же на банкеты разные ходить. Зачем же мне ее убивать было?

– Ради мести, – вслух предположила я.

– Мести?! – Остапенко усмехнулся. – Да я не мстительный вовсе – чуток позлюсь и забуду. Да и не со злости, а так, для устрашения, скандалы закатывал. – Он некоторое время помолчал, а потом продолжил: – Нет, я серьезно говорю, – он пристально посмотрел на меня, – не трогал я Инны, мы с ней друзьями были. Стоит только завещание ее проверить, ясно станет, что теперь я в полной жо...

Я задумалась. Если то, что Остапенко мне сейчас сказал, правда, то тогда ему и в самом деле незачем было убивать Россову, а как раз наоборот, очень даже выгодно было поддерживать с ней отношения. Если же все ложь, то Евгений должен был кого-то нанять, сам он за претворение замысла убийства вряд ли возьмется, уж больно труслив: сразу все как на духу выложил, даже не пытался влиять или отмазываться. А по поводу того, чтобы проверить завещание, это он дело сказал, прямо сейчас этим и нужно заняться.

– Ну что ж, приятно было с вами побеседовать, Евгений Валерьевич, – вставая с кресла, произнесла я. – Буду рада, если сказанное вами окажется чистейшей правдой, но пока... Все нужно как следует проверить.

– Неужто вы уже уходите? – вновь повеселел Остапенко. – А я-то думал, что, покончив с работой, мы немного пообщаемся, чайку-кофейку попьем, а можно и чего покрепче. У меня винцо азербайджанское есть, вы такое наверняка не пробовали. – Он очаровательно улыбнулся и, взяв мою руку в свою ладонь, стал нежно поглаживать ее.

– Спасибо за предложение, но мне пора, – вырывая свою руку из его, произнесла я и уверенным шагом направилась к двери.

– Вы меня обижаете, – игриво произнес он, но, поймав мой вполне серьезный взгляд, вздохнул и пошел открывать мне дверь.

* * *

Сразу после разговора с Остапенко я поспешила назад, в дом Россовой, – для того чтобы узнать, что и кому завещала убитая. Увидев меня второй раз за сегодня, Анна Николаевна очень удивилась и сразу решила, что у меня есть какие-либо новости.

– Неужто и в самом деле Женька ее отравил? О боже мой! – вскричала она у порога при виде меня.

– Вы слишком торопитесь, Анна Николаевна, так быстро подобные дела не раскрываются. Я к вам совершенно по другому вопросу.

Старушка сразу же погрузилась.

– Хотите еще что-то уточнить?

– Не совсем. Мне нужно посмотреть завещание вашей дочери. Оно уже было оглашено?

– Да, конечно, ведь компания – дело немалое, без хозяйских рук не оставишь, – вздохнула старушка. – Вам принести его копию или так рассказать?

– Лучше документ, – ответила я, решив, что на словах можно что-то и упустить.

Через несколько минут Анна Николаевна принесла мне папочку с вложенными в нее листами завещания.

Я достала их и принялась пробежать глазами. В самом начале, как и всегда, говорилось о здравом уме и твердой памяти, а лишь затем шло перечисление имущества и его распределение между домочадцами. Что мне сейчас и было нужно.

Прочтя все от корки до корки, я убедилась, что свое состояние Инна Андреевна завещала только семье: матери и дочерям. Девочки получали ее компанию вместе с остальными фирмами, а старушке оставался дом и еще кое-какие мелочи. Об Остапенко в завещании речи даже не шло, как, впрочем, и о ком-либо другом.

Так что можно было спокойно сделать единственный вывод: убивать Инну Евгению и в самом деле было не для чего, если, конечно, не было каких-то других причин. Инна же, кажется, слова своего бывшего мужа восприняла настороженно и поспешила написать завещание, чтобы быть совершенно спокойной и избавиться от его угроз. Так что гораздо вы-

годнее ее смерть была для дочерей, которые получали все, что было у матери.

В этом месте своих размышлений я вздрогнула. Даже подумать о том, что собственные дочери способны убить родную мать ради наследства, было страшно, но я прекрасно знала, что и такое в нашей жестокой действительности случается.

Я вернула папку, аккуратно уложив в нее листки, хозяйке и задумалась. Ей же не терпелось узнать, для чего мне понадобились бумаги и что уже удалось выяснить, а потому Анна Николаевна хоть и не мешала моим раздумьям, но изрядно нервничала, вертела папку в руках и все время вопросительно поглядывала в мою сторону. Не желая заставлять старушку волноваться, я ответила:

– По завещанию Остапенко ничего не перепало. Выходит, серьезных мотивов для убийства вашей дочери у него не было. Тем более – он утверждает, что с Инной до последних дней был в дружеских отношениях и часто общался.

– В общем-то, так и есть, – подтвердила мои слова мать Инны. – Общались они, да. Так, значит, вы думаете, что не убивал он ее?

– Пока не знаю, но других причин для совершения им убийства я пока не вижу.

Поняв, что расследование находится в полном тупике, Анна Николаевна внезапно прослезилась:

– Бедная моя доченька... За что ж ее так?!

Я промолчала, не пытаясь успокаивать старушку, так как прекрасно знала, что, сделай я это, слезы польются рекой. Дождавшись, пока хозяйка успокоится сама, я вновь поинтересовалась у нее:

– А вы не знаете, кто из охранников в тот день дежурил в саду?

Мне неожиданно пришла в голову мысль, что если кто-то был в тот момент в саду, то мог видеть, что творится в комнате хозяйки, тем более что шторы были отдернуты, а свет горел. К тому же видно эту комнату из сада превосходно, ведь дом находился как бы в углублении – нижние окна закрываются деревьями, а вот верхние хорошо просматриваются.

– Точно не знаю, но из наших – Толик и Влад. Они оба сегодня в доме, так что если хотите, то могу их позвать, – утирая слезы платком, ответила мать Инны.

– Звать не нужно, я сама их найду, – сказала я и сразу же направилась к выходу, помня, что одного охранника уже видела, так как он открывал ворота, а второй должен был быть где-то поблизости.

Найти первого мне удалось сразу же, так как он продолжал сидеть в своей будке у ворот и листать какой-то журнал. Впрочем, какой именно журнал, я догадалась, даже не взглянув на него: увидев меня, парень свое развлечение сразу положил в ящик и закрыл его, а потом заинтересованно стал смотреть в мою сторону, дожидаясь, когда я подойду к нему.

– Вы Анатолий? – подойдя ближе, спросила я.

– Нет, я Влад. А что вы хотели? Опять что-то по поводу того дня? – вспомнив, что я его уже расспрашивала, полюбопытствовал охранник.

Я кивнула.

– У меня есть еще парочка вопросов к вам. Вернее, к тому, кто в день убийства дежурил в саду. Это были вы или ваш напарник?

– Я, – слегка опустив глаза, произнес Влад, – мы через день меняемся: нынче я в будке, он – в саду, а потом наоборот. В тот день я по саду ходил. А что нужно-то?

– Да вы не волнуйтесь, – я попыталась успокоить охранника, движения которого стали нервными. – Вас никто ни в чем не подозревает, а как раз наоборот, я очень надеюсь, что именно вы и поможете мне раскрыть это таинственное преступление.

Я намеренно заставляла охранника думать, что на него у меня все надежды, решив, что только так можно заставить его разговариваться и попытаться вспомнить хоть что-то важное. А после работы с ними ментов ребятки сильно замкнулись, видно, все же чувствуя на себе часть вины за случившееся: они ведь тут охранять спокойствие наняты, а не заднюю точку отсидживать.

Моя тактика сработала: охранник слегка успокоился и даже пригласил меня сесть рядом с ним. Я не стала отказываться и, пристроившись на стульчике напротив, принялась рассматривать парнишку.

Он был еще настолько молодым, что даже в его глазах читались свойственные ребенку выражения как радости, так и удивления. Парень, конечно, старался все понять, но в связи с тем, что большую часть жизни проводил с родителями или же на работе, где от него требовалось лишь сидеть и глядеть в оба, слегка отупел.

– Как вы, наверное, знаете, убийство произошло в комнате хозяйки, окно которой из сада очень хорошо видно, – напомнила я после некоторого молчания. – К тому же в тот день оно не было занавешено, что упрощало наблюдение. Попробуйте, пожалуйста, вспомнить, не видели ли вы в окнах ее комнаты какого-либо человека?

– Человека? – охранник напряг свою память и, сдвинув брови, уставился в крышку стола. Затем он почесал совершенно лишенный волос затылок и произнес: – Нет, я никого не видел. Может, в тот момент с другой стороны дом обходил.

– Неужели ты вообще ничего подозрительного в тот день не увидел? – наигранно удивленно переспросила я. – Всегда думала, что охранники обладают хорошим зрением.

Это, видно, задело молодого охранника, и он вновь принялся прокручивать в своей памяти тот злосчастный день: сдвинул к переносице черные густые брови, сжал в узкую полосу и без того тонкие губы. А потом вдруг как-то слегка просветлел лицом и выдал:

– В окнах я ничего не видал, только в саду.

– Что в саду? – напряглась я.

– Да парнишка один гулял, мне он странным показался. Остальные обычно покурить и поболтать по двое выходили, а этот один был.

– И что же в нем было такого подозрительного? – решив, что парень мне просто врет, чтобы таким дурацким способом поднять свой авторитет в моих глазах, спросила я.

– Да он какой-то нервный был... Все время на дом поглядывал, туда-сюда шастал, будто ждал чего. Я к нему тогда подошел, спросил, не надо ли чего. Так он отмахнулся – сказал, что, мол, воздухом дышит. Ну, больше я его и не трогал.

– И долго он тут ходил?

– С час, наверное, а потом вдруг исчез.

– А описать его можешь? – доставая блокнот, спросила я, предположив, что если все сказанное верно, то у меня в руках может оказаться еще одна зацепка.

– Описать? – протянул охранник, и я поняла, что такого сложного задания ему еще никто и никогда не давал. Но, покопавшись в памяти, он все же сумел кое-что путное из нее извлечь и произнес: – Да обычный вроде был, черноволосый. Но курчавый сильно! Роста небольшого, одет был, как и остальные, в костюм черный. Больше ничего сказать не могу.

Я сразу прикинула, видела ли такого среди гостей. Но ни одного курчавого так и не смогла вспомнить, как раз наоборот – гораздо больше было лысоватых, чем с копной кудрей. Получалось, что либо парень и в самом деле врал, либо тот

тип из сада среди гостей отсутствовал. Но в саду он зачем-то был. Хотя раз он был в саду, значит, должен был быть и в списках, а значит, кто-то из домашних может его узнать по описанию.

Поблагодарив охранника, я снова поспешила в дом, чтобы расспросить дочерей и старушку о том, кем бы мог быть тот человек в саду. В гостиной Анны Николаевны уже не оказалось, а потому я направилась сразу на кухню, чтобы спросить там, где ее можно найти.

В кухне в тот момент находились две женщины: одна молодая, другая постарше – обе в белых фартуках с нашитыми на них спереди нежно-голубыми кармашками. Они уже закончили с ужином и теперь попивали кофе, сидя за столом и о чем-то беседуя. Увидев меня, женщины сразу зашебетали:

– А хозяйки нет. Она у себя в комнате – за таблетками пошла. Если хотите, мы ее позовем, – быстро протараторила самая молодая, довольно интересная на лицо девчонка.

Она была очень живой и активной, отчего не сразу бросались в глаза дефекты ее внешнего вида: слишком большие, торчащие в стороны уши, которые, если б не волосы, наверняка сделали бы ее жутко смешной и даже нелепой.

Вторая же, чуть постарше, дождавшись, когда первая закончит, сразу поинтересовалась:

– Уже что-нибудь выяснили? Мы тут все переживаем да гадаем, удастся ли вам найти убийцу хозяйки или все так и останется не раскрытым. Дело-то сложное...

Поняв, что стряпухи очень любопытные и наверняка знают, что творится в доме, я решила – так, на всякий случай! – спросить и у них, не видели ли они в доме того юноши. Поэтому, оставив их вопрос без ответа, я сказала:

– Хотелось бы найти Анну Николаевну и узнать у нее, не знаком ли ей один курчавый юноша, которого видел в саду охранник.

– Ой, да это же Пашка. Ну, Светкин ухажер, – все так же бойко протараторила молодая, теребя свой воротник. – Ну помнишь, он через кухню часто ходил, мать же им встречаться не давала? – теперь уже обратилась она к соседке, так как та никак не могла вспомнить, о ком идет речь.

– Ах да, – наконец откликнулась вторая и более спокойная, – помню, помню. Только вы зря к старой хозяйке идете, она о нем и не в курсе почти. Ну, может, видела раз-другой. Инна Андреевна запрещала дочери встречаться с ним, вот они и жались по углам, как изгои какие-то.

Новость очень заинтересовала меня. Тогда я, решив раз-узнать все поподробнее, пристроилась на соседний стул и стала расспрашивать кухарок, что они про все это знают. Те, как бывалые сплетницы и любительницы сунуть нос в дела хозяев, быстренько выложили мне всю имеющуюся на сей счет информацию. Причем больше всего говорила юная, Ирина, которой было ужасно интересно, что творилось в доме, хотелось быть в курсе всего. А вот ее коллега по работе, Анастасия, молоть языком явно не любила. Она и сейчас

предпочитала молчать, лишь в конце объяснений девушки вставив свое веское слово. Да уж, именно про таких говорят: «Слов на ветер не бросает».

От кухарок я узнала, что мальчонка тот – молдаванин, поэтому и курчав не в меру. Младшая дочь Инны Светлана познакомилась с ним в консерватории, где оба и учились. Ну и молодые люди стали встречаться. А как только мать узнала, что Света дружит с «бедным чуркой», как она выразилась, то стала ежедневно устраивать дочери взбучки. Служанки не раз слышали, как мать с дочерью ругались в комнате.

Потом мать вроде как добилась, чтобы юношу выкинули из того учебного заведения, но это ни к чему не привело – встречаться влюбленные так и продолжали. В последнее же время страсти еще более накалились: мать решила отправить дочь за границу и уже оформляла ей загранпаспорт, а в довершение еще и просватала девчушку за сына своего знакомого, решив, что так для нее будет лучше.

Выслушав все это, я, конечно, удивилась, откуда кухаркам столько известно. Конечно, то, что работники в больших богатых домах всегда славятся любовью к подслушиванию, ясно как день, но все же... Столько информации могла бы знать только родная бабка девушки, а уж никак не служанки. Чтобы не ломать голову, я напрямик спросила об этом самих женщин. На что они мне, чуть ли не дуэтом, заявили:

– А как, вы думаете, ребятишки встречались-то?

Потом Анастасия пояснила:

– Мать запрещала Свете что-либо говорить бабке, так как жалела старушку, а больше бедному дитю и пожаловаться было некому. Ну а так как Ирка, – женщина указала на свою товарку, – возраста почти ее же, они и сдружились. Вот и приходилось нам ей помогать: из дома тайком выбегать да записки тому пареньку за забором передавать.

«Вот так да, – невольно подивилась я, – оказывается, в доме-то не все ладно было. Для окружающих, конечно, все только хорошее демонстрировалось, а как наедине оставались, тут-то начиналось самое интересное. Вот тебе и рай в богатстве».

Поблагодарив стряпух, я вышла в сад: необходимо было подумать и все тщательно проанализировать.

Теперь мне было известно, что убить Инну Андреевну мотив был у многих. Во-первых, у ее бывшего мужа, который постоянно угрожал, что отомстит за то, что она оставила его без денег. Далеко не факт, что все им сказанное – чистая правда. Затем дочери, о которых я все чаще подумывала как о возможных подозреваемых, – с каждой минутой выяснялось, что отношения между ними и матерью были не слишком хорошими. Сама бабка сказала, что они мать боялись. Теперь еще и это – несчастная, как говорится, любовь.

Вполне возможно, что убить Инну решил этот самый молдаванин – чтобы не мешала ему встречаться со Светой, чтобы освободить любимую от поездки за границу и от брака с чужим человеком. Кстати, дочурки-то вполне могли парню

в этом помочь, учитывая то, что наверняка знали о завещании.

Интересно, а есть ли этот Павел в списках приглашенных? Скорее всего, нет, так как Инна Андреевна вряд ли бы такое допустила. Потому и шастал он тогда по саду и на дом посматривал. Получалось, что охранник сказал правду. Но вот вопрос: как парень попал в сад, если пропускали только тех, кто значился в списке?

Я задумалась, пытаюсь предположить, кто мог провести юношу в тот день в дом.

Охранник? Вряд ли. Кухарки? Вроде как тоже не знали о том, что он был в тот день, так как сказали бы, что провели его сами. Значит, сама Света – кроме нее некому. Да к тому же ее ни в чем не заподозрят – мало ли кого хозяйские дочери проводят.

На всякий случай я открыла имеющийся у меня список и поискала там фамилии на букву «П». Нашла несколько, но все очень даже русские: Петров, Павлов, Перцов и так далее. Впрочем, сейчас по фамилии определить принадлежность к той или иной национальности, похоже, становится все сложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.